

О.А. ВОЛОШИНА

Москва

Языкознание в Древней Индии

Лингвистическая теория в Индии формировалась на базе санскрита — языка Древней Индии, особенностей его структуры; морфемное строение слова; синонимия и омонимия; классификация звуков и др.

Ключевые слова: *языкознание в Древней Индии; структура санскрита.*

В начале XIX в. европейцы открыли удивительный мир самобытной индийской культуры. Выдающиеся произведения индийской литературы, национальный танец, архитектура, мифология и наука Древней Индии — все эти достижения индийской цивилизации поразили европейцев-колонизаторов, привыкших свысока смотреть на народы Востока. Дружелюбные, приветливые и открытые индусы, казалось, владели тайной, в которую не спешили посвящать иностранцев. Брахманы — хранители древнего знания, даже за большие деньги отказывались обучать иноверцев священному языку индусов — санскриту, не желая подпускать чужих к загадочным индийским текстам (собственно к знанию, которое в этих текстах содержалось). Тем сильнее был интерес европейцев к индийской культуре: казалось, что неторопливые, погруженные в себя, индусы нашли ответ на многие вопросы, так мучившие европейцев.

В то время европейские ученые объявили Индию колыбелью европейской цивилизации, считая индийскую культуру са-

мым древним и неиссякаемым источником, питавшим европейскую (и мировую в целом) цивилизацию. Все мифологические и литературные сюжеты стали возводить к индийскому прототипу. Не античная Греция, а далекая загадочная Индия была объявлена прародиной огромного народа, распространившегося со временем по всей Европе — индоевропейцев¹. Но не только литературные сюжеты, своеобразная мифология, удивительная религиозная система, танец и архитектура привлекали европейцев. Достижения индийской научной мысли также осваивались европейцами, заимствовались и использовались для развития и обогащения собственной науки. Это касается математики, медицины, философии, поэтики, языкознания и др.

В рамках любой древней культуры предпринималась попытка понять, что есть человеческий язык, как он устроен и как функционирует. В то далекое время языкознание редко обособлялось и выделялось в отдельную науку, чаще размышления о природе языка были частью фи-

*Волошина Оксана Анатольевна, кандидат филол. наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова.
E-mail: oxanav2005@mail.ru*

¹ Заметим, что в самом названии этих родственных народов отражается доминирующее положение индийцев — индоевропейцы.

лософских изысканий². Однако в Древней Индии уже к IV в. до н.э. наблюдается развитие собственно лингвистической науки, отразившейся в знаменитой грамматике Панини – жемчужине индийского языкознания. Очевидно, что этот грамматический трактат явился результатом длительной лингвистической традиции в Индии. Наука о языке – грамматика – в Древней Индии считалась царицей наук, т.е. самой главной, исходной системой человеческого знания.

В Древней Индии огромный интерес к языку был следствием глубоких религиозных размышлений, явился результатом тончайшего анализа религиозных текстов, рефлексией над этими текстами. Язык гимнов индийским богам осознавался не просто как форма (материя), в которой материализуется молитва, а как субстанция, напрямую связанная с божеством, обеспечивающая контакт с ним и способствующая налаживанию связи между людьми и богами. Сама речь в Древней Индии обожествлялась, причем в пантеоне богов она почиталась одной из важнейших, верховных божеств. Богиня речи – Вач (Vāc) не просто помогала людям воплощать мысли в слова и осуществлять коммуникацию, но она организовывала, упорядочивала, а значит, и создавала вселенную древнего индуса – космос. Как из различных звуков богиня Вач создает осмысленную речь, так из разрозненных элементов организует мироздание со своим порядком, принципом устройства и функционирования. Оба процесса имеют одну природу – органи-

зующую, создающую порядок из хаоса, и оба процесса – результат упорядочивающей деятельности богини речи (Вач).

Устная речь (произнесенное слово) соединяет человека (говорящего) с адресатом его молитвы (божеством), поэтому обожествлялась в Индии именно устная речь. Важно заметить, что в Индии долго не пользовались системой письменности – знаменитые эпические произведения «Махабхарата» и «Рамаяна» существовали в устной форме и передавались от поколения к поколению. Точно так же от учителя к ученику передавались научные знания, философские концепции и религиозные практики. Возможно, именно поэтому в Индии (как и в целом на Востоке) так велика роль учителя (гуру), основная задача которого – транслировать (передавать) культуру, обеспечить преемственность знания.

Устная форма художественных и научных произведений (по большей части весьма объемных) способствовала формированию различных мнемонических техник, помогающих запомнить текст, разработке приемов сокращения текста и различных способов кодирования (зашифровки) информации³. Язык как средство воплощения сакрального, художественного или научного текста, принципы построения текста, особенности языковой структуры становились предметом внимательного наблюдения, серьезных размышлений и философского осмысления, в результате чего в Древней Индии сложилась своеобразная и чрезвычайно интересная лингвистическая теория.

Отношение к речи как к самостоятельной созидательной и организующей силе, пронизывающей весь мир, способствовало обожествлению конкретных приемов создания сакрального текста и элементов этого текста. «Прежде всего это проявляется в поклонении запоминаемым устно текстам ведийской традиции: их формулы, поэтические приемы, размеры признаются наделенными сверхъестествен-

² Например, в Древней Греции размышления о природе языка были частью общефилософских изысканий и являлись предметом философских дискуссий. Так, диалог Платона «Кратил» посвящен рассмотрению важного для древнегреческой философии вопроса о происхождении слов человеческого языка (имен). Борьба шла между двумя точками зрения: слово (т.е. последовательность звуков, которая называет предмет) есть результат договора людей между собой (определенный предмет называется этим словом случайно, в результате договора между людьми) или же слово отражает природу именуемого предмета, поэтому о предмете можно составить определенное представление, исследуя его звучание (акустическую оболочку).

³ До сих пор в Индии важным достоинством научных мужей считается их способность запоминать и цитировать наизусть огромное количество различных текстов.

ными свойствами, они рождаются вместе с возникновением природы и главенствуют над ее законами» [Бонгард-Левин 2000: 101].

Передача текстов в устной форме стимулировала тщательный анализ звучащей речи. Кроме того, в древних священных текстах Ригведы – собрании гимнов богам индийского пантеона – отражалась важная особенность религиозного мировоззрения: считалось, что слово молитвы напрямую, непосредственно связано с божеством, поэтому правильная фонетическая огласовка могла помочь наладить контакт с потусторонними силами, наладить связь мира людей с миром богов. Этим и объясняется огромный интерес индусов к звучащей речи, выяснение тончайших артикуляционных и акустических характеристик различных звуков, внимательное описание различных фонетических процессов – контекстных и позиционных изменений звуков. Даже алфавит санскрита представляет собой уникальное явление: графические символы расположены в строго определенном порядке – алфавит есть четкая классификация звуков санскрита: гласные простые (долгие и краткие), гласные дифтонгического происхождения, дифтонги, плавные согласные, и далее – стройная классификация шумных согласных по месту образования, способу образования, по звонкости/глухости и придыхательности/непридыхательности.

Об этой особенности древнеиндийского алфавита писал выдающийся лингвист конца XIX – начала XX в. И.А. Бодуэн де Куртене: «Одному только древнеиндийскому (санскритскому) алфавиту... свойственен порядок, основанный на физиологическом и акустическом родстве и на естественной последовательности ассоциируемых с графемами произносительно-слуховых элементов. Поэтому изучение санскритского алфавита может служить прекрасным введением в общую фонетику» [Бодуэн де Куртене 1912: 91]. Без преувеличения можно сказать, что знакомство с древнеиндийской классификацией звуков речи способствовало развитию общей фонетики в работах европейских лингвистов.

Существует еще одна важная причина, по которой звуки речи были предметом тщательного анализа в древнеиндийских грамматических сочинениях. Гимны Ригведы широко использовали звуковой символизм. Имя бога, которому был посвящен гимн, не называлось, но обыгрывалось на уровне звуков: повторялись слова, которые содержали звуки или слоги ключевого слова гимна (имени бога). Таким образом, в звуком ряду как бы шифровалось, кодировалось имя божества.

Впервые на эту особенность индийских гимнов обратил внимание великий швейцарский лингвист Ф. де Соссюр. По его мнению, этот прием был «свидетельством очень древнего *грамматико-поэтического* анализа», истоки которого необходимо искать в общеиндоевропейских поэтических традициях, «которым надо было следовать в поэзии при составлении *carmen* (песни, заклинания. – *O.B.*) с учетом форм имени бога» (Соссюр 1977: 640). «Можно взять почти любой гимн наудачу и убедиться в том, что, например, гимны, посвященные *Agni Aṅgīras*, представляют собой как бы целый ряд каламбурных созвучий, например таких, как *gīgaḥ* (песни), *aṅga* (соединение) и т.п., что свидетельствует о главной заботе автора – подражать слогам священного имени» [Там же: 640]. «Поэт полностью отдавался звуковому анализу слов, который становился его обычным занятием: эта наука о произносимой форме слов с самых древних индоевропейских времен была причиной превосходства, особых качеств индийских *kavis*, латинских *vātēs* и т.д.» [Там же: 639].

Звуковые намеки, повторяющие звуки имени божества, как бы вплетены в сам текст и вызывают ассоциации с главным словом гимна. Этот звуковой символизм создает фонетическую опору семантики текста – подчеркивает основную идею гимна. В этом же направлении работает морфологический символизм – виртуозное оперирование морфемами в тексте гимна. Именно потребность сделать морфему еще одной единицей (наряду со звуком), создающей художественную ткань текста, заставить ее служить общей

идея гимна способствовало развитию морфологического анализа, отраженного в индийских грамматиках.

Важной отличительной чертой санскрита является богатая морфология: несколько склонений существительных, формальные способы образования глагольной основы (10 классов глаголов), многочисленные грамматические категории (категория рода у имен, времени, залога, каузативности и других у глагола) формируют разветвленную систему вариативных грамматических аффиксов различных частей речи.

Древнеиндийские грамматисты в своих трактатах широко оперировали понятием морфемы – значимой части слова, выполняющей определенную функцию (словообразовательную и словоизменительную)⁴.

Такой подход способствовал созданию классификации морфем и представлению о месте морфемы в составе словоформы. Главной морфемой считался корень – *д х а т у* (первоэлемент), к которому в определенной последовательности присоединяются разные аффиксы – словообразовательные и словоизменительные. Каждый аффикс занимал строго определенное место в цепочке морфем, поэтому отсутствие определенного аффикса в составе словоформы привело индийских грамматистов к выделению значимого пропуска – ноля, что как бы предвосхищало бодуэновскую «нулевую морфему».

В тексте гимна главное слово (как правило, имя бога) обыгрывается не только на фонетическом, но и на морфемном уровне – это ключевое слово употребляется в самых разных грамматических формах. Многократное повторение морфем главного слова в составе других словоформ, своеобразная переключка этих морфем заставляют их грамматическую семантику работать на выражение общей идеи сакрального текста. Поскольку в

гимне важно было повторять определенные морфемы, мастерство создателей сакральных текстов заключалось в способности создавать все новые комбинации морфем, обыгрывая фонетическую и семантическую вариативность. Не случайно поэтому древнеиндийская грамматика уделяла большое внимание правилам аранжировки морфем. Таким образом, не только фонетический облик, но и морфемная структура главного слова обыгрывается в тексте гимна.

Впервые на этот прием комбинации морфем в сакральных текстах также обратил внимание Ф. де Соссюр. Разбирая первый гимн Ригvedы, посвященный богу Агни, он отметил особое значение повторения имени бога Агни в разных падежных формах:

Этот гимн положительным образом *склоняет* имя Агни; в самом деле, трудно было бы представить себе, что последовательность стихов... ничего не должна сообщить об этом имени бога и что из-за чистой случайности эти разные падежные формы имени помещены в начало строк гимна. *Благодаря тому, что поэт стремился, в соответствии с религиозным или поэтическим законом, подражать звукам имени после того, как ему пришлось различать слоги этого имени*, он, хотя и непроизвольно, был *вынужден различать разные его формы*, поскольку звуковой анализ, например, верный для формы *angínā*, не был (со звуковой точки зрения) верен для *agnīm* и т.д. С чисто звуковой точки зрения необходимым оказывалось внимательное отношение к разным видам имени для того, чтобы выполнить желание бога или исполнить поэтический закон... [Соссюр 1977: 640].

Нанизывание в тексте гимна разных падежных форм имени призываемого божества – «падежное» построение некоторых гимнов Ригvedы, неоднократное обращение к богу, упоминание его имени – это создает эффект присутствия бога, его участия в ритуальном действии, запечатленном в гимне. «Употребление падежей божественного имени в гимне как бы описывает другую “грамматику” – отношения человека к богу, формализованные в ритуале» [Елизаренкова, Топоров 1979: 73].

Аранжировка входящих в имя морфем

⁴ Европейские лингвисты неоднократно указывали на то, что именно широкое распространение теоретических положений индийской грамматики в Европе в начале XX в. способствовало появлению в европейской лингвистике понятия морфемы.

позволяет создать ткань гимна, в которой и звуковая, и морфологическая линии соединяются, создавая фонетико-грамматический (формально-семантический) узел. Форма и значение оказываются связанными воедино, они поддерживают звуковую и семантическую организацию текста. По мнению Соссюра, эта традиция фонетико-морфологического анализа поэтического текста наиболее явно отразилась в грамматической науке Индии, в обоих ее разделах – звуковом и морфологическом (см.: [Соссюр 1977: 640]).

Морфема, в отличие от звука, имеет не только фонетическую (звуковую) оболочку, но и значение, поэтому вызывает и формальные, и семантические ассоциации. В представлении древних индусов все имена и глаголы произошли от определенного количества исходных морфем – корней (перечень корней традиционно сопровождал индийские грамматики). Поэтому грамматический анализ слов подразумевал возведение слова к исходному корню на основании звуковых и семантических соответствий. Для объяснения значений малопонятных (или совсем непонятных) слов, встречающихся в гимнах Ригведы, индусы использовали прием этимологического анализа, позволяющего определить значение слова⁵.

Не только богатая морфология, но и важная особенность лексики санскрита способствовали развитию индийской лингвистической традиции. Речь идет о многозначности санскритского слова и о развитой синонимии в языке древних индусов. Конечно, в любом языке встречаются и многозначные слова, и синонимы, однако для санскрита полисемантизм и синонимия являются не просто яркими особенностями лексики, но и фундаментальным принципом построения системы языка в целом. Вот как писал о языке индусов арабский путешественник XI в. Аль-Бируни: «язык их отличается огромным богатством в словах и в формах...»

⁵ Если для европейских ученых этимологический анализ использовался при доказательстве родства языков, то в индийских трактатах *niṅukta* – этимологизирование) является продолжением важной индийской традиции членения слов на части.

причем один и тот же предмет называется разными именами, первоначальными и производными, а, с другой стороны, одно и то же слово употребляется для обозначения многих предметов (разрядка наша. – *О.В.*)» (Цит. по: [Ольденбург 2009: 172]).

Синонимичный ряд может включать как простые (непроизводные), так и производные (мотивированные) слова. К числу первых можно отнести, например, различные наименования воды в санскрите⁶: *ambu, jala, toya*, *ap* и др., а мотивированные синонимы – это слова с более сложной формой (в состав таких производных слов входит производящая основа со значением ‘вод-’) и осложненной семантикой (называют предметы и явления, связанные с водой). Например, слово, обозначающее лотос (букв. «рожденный в воде») может иметь разный формальный состав: *ambu-ja, abia* (*ap + ja*), *toya-ja* и др. Поскольку с водой связан не только лотос, но и множество других предметов и явлений, компонент «вода» входит в состав их наименований. Например, облако (букв. «дающий воду») в санскрите может быть названо *ambu-da, jala-da, toya-da* и др.; океан – это «царь вод» или «вместилище вод». Итак, в ряду синонимов встречаются слова с общим формальным и семантическим компонентом, однако наибольший интерес представляют слова, характеризующие один и тот же предмет с разных сторон, т.е. такие номинации, в основу которых положены разные признаки именуемого предмета. Например, слон может быть назван словами, буквально значащими «жаждущий воды» и «обладающий огромным телом», а волк называется «имеющим пищу мясом» или «имеющий в брюхе коз» (*chāgalāntri* (*chāgala + antra*)) и т.п.

Такие синонимичные наименования образны, метафоричны, они не просто называют один и тот же предмет по-разному, но и характеризуют его с разных сторон, отмечая в самом названии отличительный признак предмета. Таким образом, система синонимичных наимено-

⁶ См.: [Кочергина 1987].

ваний создает фрагменты языковой картины мира древнего индуса.

Составление списка многочисленных и разнообразных синонимов явилось задачей первых лексикографических описаний санскрита. Даже система обучения мальчика в Древней Индии была построена так, что на начальном этапе предлагалось выучить наизусть словарь синонимов. «Это выучивание... раскрывало перед мальчиком тысячами слов-терминов большую часть того сложного и богатого культурного мира, к которому он приобщался, он как бы сразу получал известное энциклопедическое образование при помощи этих синонимов» [Ольденбург 2009: 131].

Возможность передачи одного значения разными формальными структурами способствовала «увеличению гибкости древнеиндийского языка, т.е. числа всех возможных синонимических перифраз или пересказов некоторого смысла. Следовательно, необходимо было увеличение числа образных (переносных) употреблений каждого слова, составляющее характерную черту древнеиндийской поэзии (начиная с ведийской) и весьма детально изученное в последующих индийских поэтических, лингвистических и философских трактатах» [Иванов 1979: 13]. Поскольку абсолютных синонимов в языке мало, употребление разных наименований одного и того же предмета позволяло вносить дополнительные семантические оттенки, играть не только формой, но и семантикой, вызывая целый ряд новых ассоциаций, создавая новые оттенки значений и семантических связей.

Помимо развитой синонимии, лексика санскрита отличается еще полисемантизмом – способностью одного слова называть разные предметы и явления. В любом языке есть многозначные слова, но в санскрите значение слова настолько связано с контекстом, что в зависимости от окружения может приобретать не только разные, но и противоположные значения. По словам Т.Я. Елизаренковой, слово может иметь «положительное или отрицательное значение в зависимости от того, в какой зоне употребляется: “благопри-

ятной”, т.е. связанной с богами и их адептами, или “неблагоприятной”, к которой относятся их враги... В отдельных случаях дело доходит до энантиосемии. Как, например, *agī* – *друг* и *враг*» [Елизаренкова 1999: 6].

Поскольку значение слова целиком определяется контекстом, странно выглядят собранные в одну словарную статью разные значения одного и того же слова. Например:

koṣa – 1) бочка, ведро; 2) ящик, сундук, шкаф; 3) ножны; 4) кладовая, сокровищница; 5) словарь; 6) сборник стихов; 7) почка; 8) бутон; 9) *bot*. чашечка лотоса; 10) кокон.

Сознание современного человека тут же ищет элемент значения, объединяющий все эти слова, – в данном примере речь идет о предметах, которые являются вмещателем чего-либо. Иногда такая связь значений одного слова становится менее очевидной или совсем непонятной. Например:

taṅala – 1) волна, 2) центральный камень в ожерелье, 3) рисовый отвар.

Представляется, что такой полисемантизм – яркая особенность слов древнеиндийского языка. Древние индусы не удивлялись способности слова кардинально менять значение в зависимости от контекста. Отдельное слово оказывалось вплетено в общую ткань текста и находило лишь в этом тексте семантическую и формальную опору. «Там, где современный ученый различает множество дискретных значений, пытаясь проследить переход от одного к другому, для архаичного сознания могло существовать одно синкретичное значение, по-разному реализуемое в различных контекстах» [Там же 1999: 13].

Таким образом, традиция созданная и использованная в ритуальной практике сакральных текстов, техника построения гимнов, особенности функционирования в сакральных текстах отдельных языковых единиц (звуков, морфем и слов) – все это способствовало формированию методов анализа текста, осмыслению устройства языка, что привело к возникновению уникальной древнеиндийской лингвистической традиции.

ЛИТЕРАТУРА

Бодуэн де Куртенэ И.А. Об отношении русского письма к русскому языку. – СПб., 1912.

Бонгард-Левин Г.М. Древнеиндийская цивилизация. – М., 2000.

Елизаренкова Т.Я. Слова и вещи в Ригведе. – М., 1999.

Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истоки // Литература и культу-

ра древней и средневековой Индии. – М., 1979.

Иванов Вяч. Вс. Эстетическое наследие древней и средневековой Индии // Литература и культура древней и средневековой Индии. – М., 1979.

Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. – М., 1987.

Ольденбург С.Ф. Культура Индии. – М., 2009.

Соссюр Ф. Труды по языкознанию. – М., 1977.

ХРОНИКА

Международный паремиологический семинар

6 июня 2015 г. в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете прошел Международный паремиологический семинар, на котором обсуждались актуальные проблемы ценного пласта русского фразеологического фонда — пословичного наследия, а также пограничных и переходных явлений: поговорок, крылатых слов, клишированных выражений. Выступления участников, вызвавшие неподдельный интерес всех присутствовавших, освещали теоретические вопросы паремиологии, особенности использования пословиц и поговорок мастерами слова, функционирование паремиологических единиц в современном дискурсе, в том числе в русской речи жителей и переселенцев из бывших республик СССР. Активный отклик получил анализ паремий, отражающих языковую картину мира, в сравнительно-сопоставительном аспекте. В ряде докладов рассматривались лингводидактические и фразеографические аспекты паремиологии.

Особое место в семинаре заняла мемориальная часть, в центре которой прозвучали воспоминания учеников, младших коллег и близких людей тех ученых, которые своими трудами закладывали и развивали фразеологию как науку, опередившую соответствующие исследования во всем мире. Студентами филологического факультета ПСТГУ подготовлена презентация «Фразеологи XX века. In memoriam». Проект знакомит с жизнью и научным творчеством ведущих фразеологов нашей страны. На сайте, кроме библиографических сведений, воспоминаний современников выдающихся ученых, а также фотографического материала, в свободном доступе будут представлены важнейшие работы крупнейших фразеологов страны.

В.С. Смирнова, студентка ПСТГУ